

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА,

доктор философских наук, заместитель директора Института социологии НАН Украины по научной работе, главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”

Социологическое знание: специфика, критерии научности и перспектива развития¹

Abstract

In the article, there are discussed characteristic features of changes in sociological knowledge according to its development under conditions of the current social transformations.

Сравнительно недолгий период развития собственно социологического знания, с моей точки зрения, продемонстрировал достаточно странную эволюцию. Рождена была социология царицей наук, каковой ее видел отец-основатель Огюст Конт. Однако несколько десятилетий плодотворной работы социологов XIX столетия привели к тому, что Эмиль Дюркгейм счел необходимым отстаивать право социологии на самостоятельный дисциплинарный статус и способность продуцировать свое собственное знание, отличающееся от философского, психологического и т.п. Речь шла уже не о цар-

---

¹ Данная публикация является первой частью доклада “О перспективе развития социологического знания и состоянии социологии в Украине”, который был заслушан на заседании Ученого совета Института социологии НАНУ 27 января 2004 года. Доклад состоял из трех частей. Вторая часть была посвящена теоретико-методологическим аспектам исследования тех социальных феноменов, которые возникли в результате социальных трансформаций, связанных с разрушением советской общественной системы и возникновением посткоммунистических государств. В заключительной части были рассмотрены проблемы институционализации социологии и формирования профессионального социологического сообщества в Украине. Эти части доклада будут опубликованы в следующем номере журнала.

ствовании, а о возможности социологии быть “равной среди равных”, о праве на самостоятельное существование. Задумывая “Самоубийство”, Дюркгейм надеялся обосновать научный статус социологии, которая, по его убеждению, должна была “стремиться к тому, чтобы стать чем-либо иным, а не только своеобразной разновидностью философской литературы”, поскольку “она имеет перед собой столь же определенные и столь же прочные реальности, как предмет изучения психолога или биолога” [1, с. 4, 8].

К середине XX века, после взлета теоретической мысли функционалистов и впечатляющих результатов многочисленных эмпирических исследований, никто уже, казалось бы, не должен был сомневаться в способности социологии продуцировать научное знание. Однако за первым дерзким выпадом Чарльза Райта Миллса, пренебрежительно отозвавшегося о трудах лидеров теоретической и эмпирической социологии Толкотта Парсонса и Пауля Лазарфельда, последовала мощная волна внутридисциплинарной критики, которая породила сомнения уже не столько в научной самостоятельности социологии, сколько в ее элементарной “вменяемости” — способности продуцировать что-либо более конструктивное, чем схоластические схемы и хаотические эмпирические наблюдения за произвольно выбранными фрагментами социальной действительности. В 1970–1980-е годы о кризисе социологии говорили все, независимо от теоретических воззрений; в дискуссиях о том, умерла ли уже социология как самостоятельная наука или еще только агонизирует, приняли участие многие социологи Запада — от патриарха Роберта Мертона до молодых энтузиастов неофункционализма и постмодернизма, которые сегодня являются общепризнанными авторитетами в той области, которую мы все еще называем социологией, несмотря на многочисленные трудности в изыскании общего основания для профессиональной консолидации всех, кто формально принадлежит к социологическому сообществу.

Ощущая явный дефицит конструктивных подходов к исследованию новых социальных проблем, связанных с возникновением феноменов глобализации, информационного общества, трансформации “двухполюсного мира” и т.п., социологи все чаще стали усматривать причину кризиса в недостаточной открытости своей науки для других наук о человеке и обществе. Призыв лидеров традиционного социологического сообщества к “собратьям по обществоведческому разуму” нашел ощутимый отклик. Вслед за первопроходцем-журналистом Олвином Тоффлером теории общества и социального познания стали продуцировать философы Юрген Хабермас и Рой Бхаскар, французские постмодернисты, политологи Френсис Фукуяма и Роберт Патнэм, историк и экономист Иммануил Валлерстайн, лингвист Ноам Хомский и другие авторитетные мыслители, чьи концептуальные подходы не укладывались в прокрустово ложе профессиональных интересов и требовали широких общесоциальных обобщений.

И пока социологи-профессионалы дискутировали по вопросам, связанным с путями преодоления кризиса, лидирующие позиции в социальном познании захватили глобально мыслящие теоретики из смежных областей науки, для которых общество и социальные отношения в их традиционном социологическом понимании не значат ровным счетом ничего на фоне глобальной драмы человеческой цивилизации в целом и человеческой индивидуальности как возможной жертвы глобальных процессов. Пытаясь найти ключи к решению проблем выживания человечества и личности в новом со-

циальном мире, они апеллируют к мировой экономике, геополитике, экологии, системам образования и коммуникации, новым дискурсам и т.п. — ко всему, что не может не волновать массы и властвующие элиты, но не должно отвлекать внимание социологов от главного — собственно социальных феноменов в их структурной связи и изменении.

Возможно, на фоне глобальных проблем, от решения которых зависит судьба рода человеческого, частные теоретические проблемы одной из общественных наук могут казаться второстепенными. Однако в том и заключается суть кризиса современной социологии, что в период актуализации глобальных проблем она не смогла возглавить новое интеллектуальное движение, уступив теоретические приоритеты широко мыслящим экономистам, политологам, экологам, историкам, публицистам, далеким от понимания закономерностей развития общества, структуризации социальных отношений и природы социальных явлений.

Кризис социологии затрагивает прежде всего ее теоретические основы — возможность решать вопросы обоснованности социологических теорий и аккумуляции социологического знания, сохранения его специфики в условиях нарастающего взаимопроникновения и интеграции наук о человеке. Почему вообще эта проблема существует? Почему для социологии сегодня актуальны методологические проблемы, обсуждение которых в других науках давно уже является признаком дурного тона или элементарного невежества? Прежде всего потому, что до сих пор социологи так и не определились с предметом своего исследования, не выработали общепринятых исходных постулатов, без которых невозможно согласование позиций в оценке научности знания, его отличия от обыденных наблюдений и житейских стереотипов.

Сколько было споров о том, подобна ли социология другим наукам, прежде всего естественным! Споры эти лишены смысла хотя бы потому, что ни одна социологическая зависимость не является настолько строгой, чтобы не могли быть найдены условия, при которых обратная зависимость не была бы столь же вероятна. Любое очевидное наблюдение в социологии не может быть без колебаний принято в качестве факта, поскольку всегда есть вероятность обнаружения наблюдения “с противоположным знаком”, которое обусловлено неучтенными в первом наблюдении социальными факторами и обстоятельствами. Именно поэтому структурные функционалисты и теоретики конфликта в равной мере правы и не правы, когда приходят, казалось бы, к взаимоисключающим выводам о природе, функциях и последствиях социальных конфликтов. Трагедия социологической науки, с моей точки зрения, как раз и заключается в том, что амбивалентность процесса и результатов социального познания приходится принимать не как аномалию, а фактически как дисциплинарную норму.

В последнем своем интервью один из лучших российских социологов Геннадий Батыгин, посвятивший всю свою жизнь институционализации социологии, на вопрос “А выбрали бы Вы свой путь еще раз?” ответил отрицательно, подчеркнув при этом, что “наша специальность очень неблагодарная. Я бы сказал — это не специальность пока. Наше ремесло — вообще рискованное дело” [2, с.163]. В другой своей работе он пишет: “Социология — эта туманная, неразгаданная дисциплина...” [3, с.116].

А почему она, собственно говоря, столь туманна и неблагодарна? Почему человек, получивший статус одного из лучших профессионалов, считает

нужным высказаться о деле всей своей жизни именно так? Думаю, во многом потому, что вероятностный характер любых социальных зависимостей позволяет так или иначе обосновать любую гипотезу, лишая ученого главной его награды за творческие муки — владения истиной. И если в естественных науках могут существовать конкурирующие гипотезы, но одна из них в конечном счете исключает все прочие, то в социологии может существовать неограниченное количество конкурирующих, нередко взаимоисключающих и, тем не менее, отчасти правомерных гипотез. А поэтому эмпирические данные и теории наши столь противоречивы и порождают смуту и в массовом сознании, и в элитарных умах, а нередко и у самих социологов, не говоря уже о студентах, о которых Джордж Хоманс с большим сочувствием отозвался в своем президентском послании на ежегодном собрании Американской социологической ассоциации: “Иногда мне кажется, что в начале обучения они (студенты. — *Е.Г.*) в большей степени понимают реальную природу социальных явлений, чем в конце его, и что наши двусмысленные разговоры убивают их природную мудрость” [4, с.61].

Природная мудрость, о которой говорил Хоманс, позволяет получать адекватные наблюдения социальной действительности. И когда далекий от профессиональной социологии человек не отделен от этой действительности, ему многое в ней интуитивно понятно. Но когда он начинает знакомиться с противоречивым теоретическим багажом социологии, он легко превращается в амбивалентное существо, тщетно пытающееся понять, в какой действительности живет и возможно ли вообще познание этой самой действительности.

Я считаю, что социологическое знание было, есть и всегда будет оставаться принципиально фальсифицируемым. Это изначально лишает его возможности быть “абсолютно научным” в соответствии с ригористическими критериями неопозитивистов, но это отнюдь не означает, что оно лишено перспективы движения ко все более строгой верификации посредством развития и обогащения собственной методологии и лучшего понимания природы и гносеологической функции социологических законов. Социологический закон может занять вполне “законное” место в системе социологического знания, сохраняя в своей формулировке специфику этого знания. Впрочем, с законами в социологии все оказалось далеко не так гладко, как казалось Конту, сформулировавшему первый социологический закон и получившему за это не меньше критических стрел от специалистов в созданной им области научного знания, чем святой Себастьян — от свирепых язычников. Столетие спустя не менее критически была оценена попытка Уильяма Огборна сформулировать закон культурного отставания. В дальнейшем социологи стали все более обтекаемо называть то, что могло бы претендовать на научное объяснение социальной реальности, употребляя вместо категории “социальный закон” различного рода эвфемизмы, подобные “объяснительным механизмам” из модной философской концепции научного реализма. А в эпоху так называемого постмодерна говорить о законах в социологии стало вообще признаком “моветона”. Определяя целевое назначение социальной теории, Энтони Гидденс считал даже нужным специально откреститься от этой “нехорошей категории”: “Я полагаю, что задача установления и обоснования всеобъемлющих правил и принципов — специально не говорю “законов” — является только одним из ее аспектов и приоритетов” [5].

Можно было бы такую позицию современных социологов объяснить прогрессирующим оскудением творческой мысли, которая была ключом в позапрошлом столетии и постоянно продуцировала все новые и новые социальные законы. Однако судьба этих законов, сформулированных выдающимися мыслителями и обоснованных в их фундаментальных, зачастую многотомных трудах, оказалась незавидной. Кто сегодня всерьез воспринимает социальные законы, открытые властителями дум XIX столетия — Спенсером, Тардом, Гиддингсом? Разве что историки социологии, да и то лишь для того, чтобы бросить очередной камень в творческий огород наивных мыслителей. Больше повезло с признанием “спиралевидному” закону смены общественных формаций. Уверив значительную часть сочувствующей угнетенным массам интеллигенции в том, что возврат первобытного общества на новом витке исторической спирали неизбежен, Маркс, Энгельс и их революционные последователи действительно едва не вернули человечество в первобытное состояние. Оказалось, что воплощенные в общественную практику утопические проекты, внедряемые в массовое сознание как объективные “социальные законы”, могут оказаться страшнее ядерного оружия, загрязнения окружающей среды и прочих побочных продуктов открытия естественнонаучных законов. Отсюда и вполне резонные опасения, связанные с тем, что возможности социологии все еще не столь широки, чтобы социальный мыслитель, даже со столь же незаурядным “умищем”, как у основоположника марксизма, мог определить строгие критерии, отличающие объективный социальный закон от его собственной социальной фантазии.

Однако принципиальный отказ социологов “эпохи постмодерна” от идеи построения системы знания на прочном фундаменте законов оставляет слишком много места для интерпретационных двусмысленностей и дискурсивных ухищрений, позволяющих по форме имитировать процесс социального познания, а по сути его дискредитировать. За лукавыми ссылками на специфику познаваемой действительности, на ее принципиальное отличие от предмета естественнонаучного знания скрывается трезвое и весьма прагматичное стремление оставить для “своего” знания лазейки в сферу философских фантазий, в своеобразную “натурсоциологию” в духе древнегреческих мудрецов, с равной долей мудрости обосновывавших происхождение сущего из твердых, жидких и газообразных стихий. В отличие от такого способа познания, формулировка закона как фиксация существенной и необходимой связи явлений требует особой познавательной дисциплины и самоограничения. Понятны сомнения в целесообразности таких жертв со стороны ученого в той области научного познания, в которой познающий сам является творцом познаваемого, исследовательская ситуация принципиально невоспроизводима, а эмпирически обнаруженные зависимости имеют, как правило, вероятностный характер. Социолог, отрицающий закон, ловко уходит от проблем прогнозной валидности полученного им знания. Он говорит о самосбывающихся пророчествах, о всепроникающей субъектности и т.п. Однако отказываясь от обоснованного социального прогноза и уходя от решения проблем прогнозной валидности, мы тем самым помещаем себя в абсурдный мир самовоспроизводящейся неопределенности. Даже в обыденной жизни никто и никогда не живет по таким правилам. Тем более абсурдна ситуация, когда эти правила принимает наука. Я убежден в том, что только возвращение к закону как основе социологического познания способно превратить социологию в научную дисциплину. При этом, разу-

меется, необходимо ясно осознавать различие между классическими законами естествознания и вероятностными законами социальной реальности.

Впрочем, в современной “постнеклассической” картине мира такого рода познавательные проблемы обнаруживаются и при попытке постигнуть физическую реальность. Однако современная физика не отказывается от законов только потому, что познающий способен вмешиваться в познаваемую реальность, а сама реальность все менее отвечает идеалам жесткого детерминизма. В ней остается место и для специфических законов, позволяющих упорядочивать практическую деятельность, и для универсального закона сохранения, сдерживающего полет космогонической мысли в область принципиально неverifiedируемого знания. Все это позволяет надеяться, что слабый вероятностный характер социологических зависимостей, который определяет специфику социального познания, отнюдь не означает, что социологическое знание не может быть научным.

Мысль о том, что оно обязательно должно быть научным, объединяет все социологические школы, даже те, которые наиболее близки к субъективистским позициям. Каким же образом это знание может становиться научным? Именно этот вопрос оказывается до сих пор спорным. Так, основатель исследовательского комитета по теоретической социологии Международной социологической ассоциации Петер Штомпка убежден, что в последние десятилетия социологическая теория развивается невероятно бурно и продуктивно, и приводит, с его точки зрения, убедительные аргументы в пользу того, что объяснительные, аналитические и эвристические социологические теории сегодня достигли невиданного расцвета и подъема [6]. Если так, то почему же до сих пор, находясь в состоянии подъема, социологическое сообщество продолжает выяснять вопросы: “А что же первично — индивид или общество? Что первично — структура или действие?” В работах современных теоретиков невероятно много внимания уделяется именно этим проблемам, которые вообще-то не могут иметь конструктивных решений, подобно аналогичному вопросу о первичности курицы или яйца. Однако в достаточно популярных работах Роя Бхаскара всерьез поднимается вопрос о том, кто же был прав — Вебер или Дюркгейм? И находится диалектически безупречный ответ — видимо, оба были не правы, а прав был Питер Бергер, указавший, что общество формирует индивидов, которые творят общество [7, с.225–226].

Те же вечные вопросы решал и Энтони Гидденс, обнаруживший компромиссное решение проблемы дуализма структуры и действия в их непрерывном взаимопорождении. Вот к такой добротной диалектике (в лучших традициях эпохи Гераклита) в итоге приходит социология в своих самых высоких теоретических взлетах последнего времени. Конечно, появление нового Джорджа Ландберга, который сегодня требовал бы строгого подчинения социологического исследования правилам естественных наук (поскольку то, что названо наукой, должно развиваться по правилам науки), вряд ли возможно. Даже в мягком варианте (с учетом парадигмальной концепции развития науки и постнеклассической научной картины мира) позитивистский подход вызывает скептическое отношение европейской школы социологии, которая, по мнению Штомпки, в последнее время вернула себе лидирующую позицию в развитии социологической теории. Вероятнее всего, традиционные теоретические дискуссии о правильном понимании структурно-деятельного дуализма продолжатся. Боюсь, что они долго бу-

дут продолжаться, отвлекая внимание социологов от исследовательской работы и переключая его на неистощимое по дискурсивной изобретательности выяснение вечных для схоластов всех времен и народов вопросов. Я не сторонник воинствующего позитивизма, поскольку догадываюсь, что человек, скорее всего, существо мыслящее и, наверное, от его воли и смысла что-то зависит в этом мире. Даже религиозные доктрины, не претендующие на научное обоснование своих истин, имеют серьезные проблемы с дуализмом “высших структур” и “индивидуальных действий”. Однако я не вижу оснований считать, что мыслящие существа, наделенные свободой воли, в своем взаимодействии не ограничены некоторыми социальными законами, которые можно понять, но невозможно нарушить.

Я приведу простой пример. Интерактивные опросы по телевидению. Когда появляются первые данные, они очень сильно “пляшут”. Здесь можно видеть существенные перепады и изменения в совокупном мнении небольшого числа людей. Как только эта цифра перевалила за сотню, зависимость становится четкой, и данные уже практически не меняются. Связано это с теми же вероятностными законами. И тот недостаток, или та проблемность социологии, которая связана с вероятностным характером зависимости, обращивается благом, когда речь идет о массовидных процессах. Здесь вероятностные законы приводят к тому, что нивелируется та самая непредсказуемая индивидуальная воля и недоступный индивидуальный смысл, которые индивиды могли бы вкладывать в социальную ситуацию. Способность социальной системы нивелировать индивидуальные различия принципиально отличает социологию от психологии и прочих родственных наук.

Когда социолог выходит на массовидные процессы, он видит, что в рамках исследования конкретного социального феномена обнаруживаются тенденции и закономерности, которые “отрывают” социальные процессы от их зыбкой и непредсказуемой субъективной “первоосновы”. Здесь же возникает и очень серьезная проблема социологического познания. Увлеченный и вдохновленный появлением первой же обнаруженной “объективной” зависимости, социолог забывает о том, что его предмет исследования все-таки намного сложнее, чем предмет исследования естественных наук. Бытует мнение (особенно среди представителей естественных наук), что социология — это “недонаука” именно в силу того, что она неспособна выдержать жесткие требования гипотетико-дедуктивного метода. Можно, конечно, не учитывать такого рода критику, ссылаясь на вполне вероятное гуманитарное невежество естествоиспытателей. Но в данном случае устами “гуманитарных младенцев” во многом глаголит истина, поскольку социология действительно остается близкой к мифологии, пока мы сами, социологи, остаемся первобытными туземцами, восхищающимися первым наблюдением и обожествляющими его.

Что я имею в виду? Предположим, в исследовании получена некоторая зависимость между двумя переменными. И эта зависимость сразу вызывает восхищение первооткрывателя. Вот посмотрите, есть различие, есть связь! При этом нередко мы забываем о том, что этот эффект, обнаруженный в единичном (социологи проводят чаще всего разовые исследования, позволяющие получать уникальный срез социальной действительности, так же далекий от ее репрезентации, как далекий опрос одного респондента от репрезентативного опроса населения) исследовании, является только единичным наблюдением. Обнаруженный эффект ни в коей мере не является социологи-

ческим фактом. Конечно, есть социологи, которые понимают, что одним наблюдением для обнаружения факта как элемента социального познания ограничиться нельзя. Но в недостаточно развитых социологических сообществах, к которым принадлежит отечественное, это понимание встречается не очень часто. По крайней мере метод триангуляции, необходимый для реконструкции факта из множества наблюдений, применяется в исследованиях украинских социологов довольно редко. Но и этот метод — отнюдь не панацея от заблуждений, которые следуют за отождествлением социального факта и социальной реальности. И если “первобытный социолог” склонен обожествлять первое “удачное” наблюдение, то более искушенный его коллега более подвержен служению “культу факта”. Так и рождаются многочисленные случаи реификации, когда в социальной действительности ученый обнаруживает то, что находится преимущественно в его собственном социальном воображении. И хотя в этом случае он во многом достигает вершин мысли Дюркгейма, для которого социальной факт был “реальной вещью”, его знания остаются весьма уязвимыми.

Все дело в том, что обнаружение факта в исследовании, даже если этот факт подтверждает теоретическую гипотезу, — это только первая ступень социологического познания. Если обнаружение непротиворечивой системы фактов для естественных наук является вершиной познания, то для социологии это только его фундамент. Ибо в социальном мире, особенно современном, действительность нередко изменяется быстрее, чем знания социолога. Ни единичный факт, ни даже система фактов, подтверждающих гипотетический социальный конструкт, ничего существенного не значат без восхождения на более высокие, чем обнаружение фактов, ступени социального познания, которые и отличают социологию от естественных наук. Если для естественнонаучного познания достаточно одной гипотезы, одного правильного метода и одной правильно построенной серии экспериментов, то для социологического познания, для постижения социального феномена необходима гораздо более сложная процедура исследования. И прежде чем я перейду к характеристике этой процедуры, считаю необходимым сказать о социальном феномене как предмете социологического познания. Я сторонник того, что общим для социологов является изучение не социального действия, как настаивал Вебер (ибо не только из действий складывается социальная действительность), и не социальных отношений, как считал Маркс, сводя личность к совокупности всех общественных отношений (поскольку отношений явно недостаточно для полноценного познания тех, кто в эти отношения вступает). Реально социологи изучают именно социальные феномены. В грамотных с профессиональной точки зрения эмпирических исследованиях социологи, как правило, забывают о том, что у одних, по теории, единицей исследований являются отношения, у других — социальные действия, у третьих — социальные коммуникации и т.п., поскольку изучают они социальные феномены и пользуются этой категорией постоянно, когда речь заходит о предмете исследования, но почему-то скромно умалчивают, что социальный феномен и есть общее название для всего многообразия исследуемого в социальном мире.

Что же такое социальный феномен? Это непосредственно наблюдаемый аспект социальной действительности. Выбор того или иного феномена как предмета исследования связан с реальной возможностью столкновения в социальной действительности с чем-то, вызывающим потребность в сис-

тематическом наблюдении. И первая гипотеза социолога — это предположение о возможности систематического наблюдения. Фактически это гипотеза, которая позволяет отделить реальный феномен от воображаемого, иллюзорного, а определив его, сформулировать гипотезу на следующем уровне познания, когда речь идет уже не о живом наблюдении, а о фактах, открывающих путь к теоретической интерпретации.

За подтвержденной гипотезой о факте следует, с моей точки зрения, гипотеза о существовании тенденции как устойчивой воспроизводимости социального феномена, его относительной темпоральной инвариантности. Почему я сторонник мониторинговых исследований? Да потому что любое социологическое исследование, каким бы добросовестным и квалифицированным оно ни было, содержит систематические ошибки, избежать которых никогда не удастся. Мониторинговые исследования воспроизводят систематические ошибки, и обнаруживается тенденция, позволяющая делать выводы более высокого порядка, чем в том случае, если получены отдельные факты. Но и этого недостаточно. Следующая гипотеза должна переместить социальный феномен из временного контекста в пространственный. Надо рассмотреть гипотезы о существенных связях, которые образуют внутреннее пространство феномена (его структуру) и внешнее пространство — систему существенных связей с другими социальными феноменами. Многократная иерархическая гипотетико-дедуктивная процедура и отличает социологическое познание от познавательных процедур естественных наук.

Поскольку восхождение к социологическому закону требует, по моему мнению, применения в исследованиях особой процедуры, я считаю нужным изложить ее более строго, чем все, о чем я до сих пор говорил в своем (отчасти импровизированном) выступлении.

Социологическое познание социального феномена начинается не с обнаружения социального факта, поскольку для констатации того, что мы имеем дело именно с фактом, необходимо первоначально иметь результат применения социологического метода к выявлению и спецификации феномена — определению его особенностей в ряду других социальных феноменов. Начало познавательного процесса всегда связано с обыденным наблюдением, позволяющим “заподозрить” факт существования данного социального феномена, и это подозрение, собственно, и является инициальной научной гипотезой, требующей для своего подтверждения применения тех или иных методов социологического исследования. В этом смысле можно утверждать, что любое социологическое исследование в его инициальной стадии основывается на обыденном наблюдении и анализе повседневного социального опыта (даже если он представлен в теоретических обобщениях других общественных и гуманитарных наук). На инициальной стадии изучения социального феномена успешно реализуется установка феноменологического направления в социологии, акцентирующего внимание прежде всего на структурах обыденного сознания и феноменах повседневной жизни как “подлинной” социальной реальности. В дальнейшем процессе познания социального феномена очень важно избежать соблазна действовать в свойственной феноменологам манере, попытавшись в рафинированной теоретической форме представить обобщенный обыденный опыт посредством методов, подобных философской редукции или фольклорно-диалоговым упражнениям этнометодологов. В результате применения такого рода процедур социального познания мы просто ограничились бы воз-

возможности изучения социальных феноменов инициальным социальным опытом, получив, в лучшем случае, систематизированное наблюдение, позволяющее выдвигать гипотезу о существовании определенного социального факта как специфицированного социального феномена.

При этом ни в коей мере нельзя пренебрегать данными наблюдений или фиксации социального феномена, поскольку именно на этой инициальной стадии социологического познания феномен проявляется во всей полноте и эмпирической сложности. Все последующие стадии познания — **спецификация феномена как факта социальной действительности, темпоральная реконструкция феномена как установление определенной социальной тенденции, связанной с его возникновением и последующим проявлением, социально-пространственная реконструкция как изучение закономерных связей данного феномена с другими социальными феноменами, их взаимозависимости, и наконец, обоснование социологического закона как результат обнаружения инвариантных пространственно-временных зависимостей возникновения и проявления данного феномена** — требуют последовательного “очищения” социального знания от первоначально наблюдаемого (фиксируемого в повседневном социальном опыте) “феноменального поля”. Этот процесс, собственно, и определяет специфику социологического исследования, которое отличается от естествознания вовсе не тем, что игнорирует принятые в последнем принципы истинности знания, но значительно более сложной *процедурой получения истинного социального знания, для чего необходимо обоснование и доказательство ряда гипотез, касающихся последовательных этапов изучения социального феномена — наблюдения, факта, тенденции, закономерности, закона*. И далеко не всегда полный путь познания — от первоначального социального наблюдения до доказательства закона — может быть осуществлен. Поэтому в социальном познании был выработан “временно исполняющий обязанности научного” метод социальной типологии, получивший теоретическое обоснование в концепциях идеальных и конструктивных типов.

Таково мое представление о перспективе развития социологического знания. Я понимаю, что такой подход требует существенной интенсификации исследовательских усилий. Но иной перспективы, возможно, нет у тех социологов, которые не склонны до скончания века выяснять, кто из них прав, а кто не прав в бесконечных “натурсоциологических” дискуссиях о социальных первоначалах.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. — М., 1994.
2. Батыгин Г.С. “Никакого другого пути я даже помыслить не мог...” // Социологический журнал. — 2003. — №2. — С.132–167.
3. Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазарфельда // Социологический журнал. — 2003. — №2. — С.115–131.
4. Хоманс Дж. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль. — М., 1994. — С.46–61.
5. Гидденс Э. Устройство общества. — М., 2003. — С.5.
6. Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение // Социологический журнал. — 2001. — №1. — С.148–158.
7. Бхаскар Р. Общества // Социологос: социология, антропология, метафизика. Общество и сферы смысла. — М., 1991. — С.219–240.